

Бойко В.В.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА И ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В КРЫМУ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В 1921-1926 гг. в Крыму осуществлялся процесс межселенного землеустройства. Его основной целью было закрепление земли за отдельными деревнями и установление границ населенных пунктов. В течение этого периода было выделено 1703351 га 1813 земельным обществам с общинным порядком землепользования, 13431 га 30 колхозам, 1886 га 13 земельным объединениям с участково-подворным порядком землепользования. 507230 га были предоставлены в ведение ГЗИ (госземимущества) для организации совхозов, 314389 га получили статус земель специального назначения (лесфонд и др.); земельные отводы были выделены также городам [1].

При межселенном землеустройстве учитывалась национальная специфика Крыма. Кроме русских и украинцев, которых в то время объединяли в одну этническую группу, землеустроения получили также представители национальных меньшинств, в частности [2]:

Таблица 1.

Национальность	Площадь землеустроения	Количество хозяйств	Количество селений
Татары	191574	11801	221
Немцы	138056	3472	167
Болгары	34152	1470	20
Евреи	25704	не выяснено	46
Прочие	8857	388	9

В ходе межселенного землеустройства в каждой деревне составлялись списки землепользователей, юридический статус которых Наркомзем Крыма определил так: «Списки населения, составленные при междуселенном землеустройстве, кладутся в основу организации земельного общества.

Граждане, внесенные в списки междуселенного землеустройства, являются основным ядром, которое производит прием трудовых землепользователей... и исключает из состава общества нетрудовой элемент» [3].

Таким образом, в процессе межселенного землеустройства в деревнях Крыма формировались земельные общества как фактические правопреемники дореволюционных крестьянских обществ, хотя их официальная регистрация началась позже, при переходе к внутриселенному землеустройству.

Межселенное землеустройство шло далеко не идеально. Были объективные трудности, выражавшиеся в нехватке земель сельскохозяйственного назначения в горном и предгорном Крыму. В результате земельные общества этого региона получили земотводы на 30-50% ниже нормы наделения, в то время как в степном Крыму многие селения имели излишки. Но и в тех местах, где земельные общества могли быть наделены по полной норме, это не всегда происходило, так как земорганы, придерживаясь директив Москвы, в первую очередь выделяли землю колхозам и совхозам. Такое положение наблюдалось, к примеру, в деревнях Базарчикского сельсовета Симферопольского района, где «...совхозам отошли лучшие земли, а населению остались только скалы». В Наркомзем поступали подобные заявления от земобществ Никита и Ай-Василь Ялтинского округа, Аранчи Севастопольского округа и др. [4]. В таких условиях крестьяне вынуждены были арендовать землю у ГЗИ за довольно высокую арендную плату, что вызывало конфликты между земобществами и совхозами. Конфликтные ситуации усугублялись еще и тем, что совхозы по сути паразитировали на крестьянских землях, не принося никакой пользы, о чем говорили, например, делегаты 5-го Всекрымского съезда Советов (1927 год): «У нас есть батраки, которые раньше ничего не имели и только с 22/23 годов начали поднимать свое хозяйство. У этих батраков хозяйство скорей поднимается, чем у совхозов, которые сидят на хорошей земле... Соберется в таком совхозе кучка администраторов, управляющие и прочие и сидят, ничего не деля. А хозяйство совхоза идет не вперед, а назад...» [5].

При проведении межселенного землеустройства земельные органы зачастую не считались с теми землепользованиями земобществ, которые сложились исторически. Совершенно неоправданно разнородные по национальным, бытовым, хозяйственным условиям селения сливались в одно земельное общество (например, деревни Теберти и Сююрташ Бахчисарайского района и др.). Земельные участки, занятые различными государственными учреждениями, фабриками, заводами и другими предприятиями, не выделялись из состава земель земобществ, на которых они находились. Оставшиеся по наделению земельных обществ фонды имели иногда уродливую конфигурацию и не были пригодны для эффективного использования. Все эти недостатки межселенного землеустройства приводили к тому, что очень скоро земельные органы оказались перегружены многочисленными спорами, возникавшими как между двумя земобществами, так и между земобществами с одной стороны и ГЗИ и другими учреждениями – с другой [6]. Серьезные споры возникали и внутри земельных обществ на почве несогласия землепользователей, получивших отводы сверх нормы, с доприселением в общество жителей других деревень, испытывающих нехватку земли. Конфликты порой разгорались с такой силой, что приходилось вмешиваться федеральным органам власти. Например, когда в земобщество деревни Бозганы Джанкойского района доприселили 17 хозяйств, оно, не желая таковых принимать, отправило ходока к М.И. Калинину с просьбой защитить их интересы. Президиум ВЦИК РСФСР направил в Наркомзем разъяснение по существу этого вопроса и предложил «Джанкойскому Земотделу прекратить дело о вселении вышеупомянутых

17-ти домохозяев в земельное общество деревни Бозганы, предоставив названному земобществу свободное пользование землями в размерах, установленных землеотводной записью 1922 года». Кроме того, в приказе НК РКП РСФСР от 6 июля 1925 года Наркомзем Крыма был, подвергнут критике за случаи «механического соединения в земельные общества, принудительное приселение их, доприселение и т.д.» [7].

Однако настоящая неразбериха в поземельных отношениях возникала в связи с длительным непроведением внутриселенного землеустройства. Несмотря на установление норм наделения, довольно типичной была ситуация, когда одни крестьяне самочинно захватывали столько земли, сколько могли обработать, в результате чего другие оказывались почти без надела. Во многих случаях это приводило к отказу со стороны зажиточной части деревни землеустроиваться и официально регистрировать земобщество, поскольку были справедливые опасения, что процесс внутриселенного землеустройства приведет к переделу земли не в пользу ее владельцев. Поэтому земельные сходы, на которых должны были решаться вопросы внутриселенного разверстания земель, зачастую срывались, или же дело на них доходило до драки. Другими способами затягивания землеустроительного процесса были отказ от сдачи денег на землеустройство или от предоставления рабочей силы, подвод инвентаря, необходимых для работы землеустроителя-землемера [8].

В то же время возникали ситуации другого рода, когда крестьяне, не дожидаясь приезда землеустроителя, сами производили раздел земли. Вот решение земельного схода деревни Биюк-Ламбат от 29 октября 1924 года: «Мы, трудовые члены Земельного общества, временно, до внутреннего раздела земли, распределяем землю на каждого едока по нижеследующей норме по трем категориям: 1-я категория – 125 кв. саж., 2-я – 150 кв. с. и 3-я – 250 кв. саж., т.е. чем меньше плодородна земля, тем больше количество кв. саж. на едока.

Оставить и выделить каждому крестьянину уже обработанную им землю.» Известно, что только за первую половину 1927 года силами самого населения были произведены разверстания (переделы) земель в 91 земельном обществе степного Крыма на площади 74976 га [9].

Тем не менее, с 1925 года внутриселенное землеустройство в Крыму все же началось. Земельным обществам в этом процессе принадлежала ключевая роль, т.к. именно они решали все вопросы, связанные с разверстанием земель и наделением ею крестьян. С этого времени начинается регистрация земобществ, т.к. согласно статье 49 Земельного кодекса общество, приступающее к внутриселенному землеустройству, должно быть предварительно зарегистрировано. Наркомзем Крыма разработал «Инструкцию о производстве работ по внутриселенному землеустройству» и представил перечень вопросов, которые должны быть обсуждены на земельном сходе, а решения по ним должны лечь в основу приговора о внутриселенном землеустройстве. Перечень был весьма обширным – вот лишь некоторые пункты:

- возможность образования коллективных хозяйств, выселков и других форм выделов из общины;
- порядок и форма землепользования в обществе;
- права каждого члена земельного общества на землепользование в соответствии с установленной разверсточной единицей;
- основания пользования остающимися после разверстания землями и угодьями: запасным фондом, выгонами и пастбищами, общественными непеределываемыми участками и т.п.;
- общественные доходные статьи и условия пользования ими;
- условия землепользования домохозяев, пользующихся землей на особых основаниях (ремесленников и др.);
- повинности, лежащие на обществе, по охране лесных площадей, зарослей, источников, переданных обществу; по улучшению водоснабжения и мелиорации; по поддержанию дорог, гатей, мостов и других дорожных сооружений, находящихся в пределах земель общества;
- принимаемый обществом севооборот и порядок нарезки полей, гонов, полос и др. [10].

Таким образом, земельным обществам предоставлялись довольно широкие права в решении земельных дел деревни, в том числе и по вопросам определения способов и форм землепользования. Однако государственные органы не собирались быть сторонними наблюдателями в этом процессе и стремились к тому, «...чтобы деятельность земельных обществ соответствовала земельной политике и хозяйственной целесообразности» [11]. Стратегия Наркомзема была оглашена его руководителем У. Ибраимовым на 4-м Всекрымском съезде Советов (1924 г.): «Наркомзем при внутриселенном землеустройстве будет рекомендовать коллективную форму землепользования, которая является наиболее целесообразной и выгодной в Крымских условиях» [12].

Вероятно, такое заявление было итогом дискуссии, развернувшейся в Наркомземе по вопросам выбора земельными обществами форм землепользования. На то, что такая дискуссия должна была иметь место, наталкивают выводы и предложения, сделанные межведомственной комиссией по районированию Крыма и определению наиболее выгодных форм землепользования под руководством профессора Н.Н. Клепинина. Даже для периода нэпа нижеследующие постулаты оказались слишком либеральными: «...принимая во внимание не изжитые еще стремления крестьянства к индивидуальному ведению хозяйства и широкое право осуществления этих стремлений в выборе порядка форм землепользования, предоставленное Земельным кодексом, диктует неизбежность считаться с общинным и участковым порядком землепользования...»

Комиссия полагает, что при разнообразном строе хозяйства хутор является наиболее совершенной формой участкового порядка землепользования, несколько не мешающей как проявлению личной инициативы и улучшению своего хозяйства, так и переходу к коллективизации своего труда...

При нарезке хуторов желательнее отводить их группами по 4-5 хуторов с тем предположением, что при такой нарезке поля будут расположены близ усадьбы; это является неперемным условием для перехода к интенсивному хозяйству... Обработка полей таких 4-5 хуторов может легко производиться совместно, применяя,

например, тракторную силу, т.к. соответствующие по севообороту поля могут быть расположены рядом, что сократит до минимума продвижение трактора, плугов и т.д. При расположении хуторов большими группами это удобство работы уже делается меньше. Кроме того, со стороны психологической легче объединить небольшую группу хлеборобов в 4-5 дворов, чем большую. Прочие сельскохозяйственные работы, как уборка, также могут производиться коллективом; нечего говорить про совместную молотью урожая, что уже давно применяется хлеборобами, и покупка одной хорошей молотилки на небольшую группу близко знающих друг друга хозяев явится первой простейшей формой перехода к артельному началу...» [13].

В конце 20-х такие «предложения» наверняка получили бы статус «манифеста кулачества». Возможно, предвидя такую тенденцию, Наркомзем откестился от них и на заседании Земельно-плановой комиссии 29 октября 1924 года постановил: «Формы землепользования хуторского и отрубного считать для Крыма неприемлемыми и их не рекомендовать при землеустройстве». Данная позиция Наркомзема могла быть продиктована и желанием плыть в фарватере директив Центра. Еще 14 июня 1923 года НКЗ РСФСР направил на места циркуляр № 52, в котором предлагал в тех селениях, где установились прочные общинные отношения, не разрушать общину, а ее сохранять и усовершенствовать путем разделения больших и сложных общин на части, перехода на широкие полосы, рациональной организации луговых, пастбищных, лесных массивов и т.п. [14].

О результатах своей землеустроительной политики Наркомзем докладывал на бюро Крымского ОК ВКП(б) 11 августа 1927 года: «В Крыму наибольшее применение имеет общинный порядок землепользования: в степном районе и предгорном 77,2%; хутора и отруба занимают самое незначительное место и выражаются в 0,8% землеустроенной площади. Участковый и участково-чересполосный порядок землепользования имеют распространение в районах спецкультур» [15].

Таким образом, политика земельных органов в отношении земобществ состояла в сохранении и укреплении общины в целях использования коллективистского духа крестьянства при создании колхозов. О том, какая роль отводилась общине, мирской организации крестьянства в русской революции, пишет английский историк Э.Х. Карр: «...именно мир самым эффективным способом сплачивал крестьян. Народники типа Герцена рассматривали мир как ступеньку на пути к социализму. Можно сослаться на Маркса (хотя его осторожные высказывания относились к отдаленному будущему), который размышлял о том, что в случае пролетарской революции на западе русский мир сможет стать отправной точкой коммунистического развития. На протяжении 20-х годов проблема мира часто обсуждалась в Москве. Но не делалось никаких попыток вмешиваться в его жизнь на местах, и к моменту начала коллективизации он более или менее сохранился нетронутым» [16].

Подтверждения нашим выводам находим и в «Перспективном плане мероприятий в области восстановления и развития сельского хозяйства Крыма»: «...земельные органы должны обратить первостепенное внимание на укрепление, организацию и воспитание общественности во всех сельскохозяйственных объединениях Крыма, начиная с земельных обществ...»

Принимая во внимание, что зачатки общественной обработки давно уже таятся в крестьянском хозяйстве в большей или меньшей степени, что прием этот особенно развился и осознан со стороны его полезности за последнее время в периоды тяжелых экономических кризисов, следует признать, что дальнейшее его развитие во всех разновидностях и проявлениях не только желательно и полезно, но даже необходимо, как переход к коллективным формам земледелия» [17].

Важной функцией земельных обществ было наделение своих членов землей. Как же этот процесс происходил в Крыму? До революции при общинном землепользовании крестьянство распределяло землю по количеству едоков или рабочих рук в хозяйстве или же устанавливало смешанную разверсточную единицу, в которой учитывались оба указанных элемента. В редких случаях принималась к учету инвентарная обеспеченность двора, встречалось также распределение земли «по человеку глядя».

В соответствии с требованиями Земельного кодекса КрымЦИК постановлением от 27 мая 1925 года ввел единый порядок исчисления разверсточных единиц, согласно которому распределялась земля в земельных обществах. В его основу положена мысль об уравнительном распределении земли между хозяйствами по трем признакам: двор, едок и рабочая сила. Исчисление разверсточных единиц производилось так: вся земля, имеющаяся в обществе, делилась на три равные части. Затем полученное частное делилось поочередно на число дворов, едоков и рабочих сил в деревне, а затем каждое из полученных частных умножалось на число соответствующих единиц в хозяйстве. Сумма полученных произведений и составляла земельный надел двора. Например, земобщество, состоящее из 10 домохозяев при 50 едоках и 25 рабочих силах разверстывает 300 десятин.

Имеем: $300:3=100$ дес.

На двор: $100:10=10$ дес.

На едока: $100:50=2$ дес.

На рабочую силу: $100:25=4$ дес.

Таким образом, хозяйство, состоящее из 4 едоков при 2-х рабочих силах, получит земли: 10 дес. на двор + 8 дес. на едоков + 8 дес. на рабочие силы = 26 десятин [18].

Этот способ исчисления разверсточной единицы был подвергнут критике со стороны Наркомата РКИ Крыма как приводящий к тому, что «...хозяйство, примерно имеющее три людских рабочих силы, три едока и шесть рабочих лошадей (в Крыму это запряжка в один плуг), мертвый инвентарь получит земли значительно меньше, чем хозяйство, имеющее две людских рабочих силы, семь едоков, одну рабочую лошадь и недостаток инвентаря. Первое хозяйство будет ощущать недостаток земли для трудовой обработки, а у второго часть земли останется необработанной».

Трудно сказать, почему на утверждение в КрымЦИК Наркомзем представил именно этот вариант, но из-

вестно, что всего в Наркомате рассматривалось 4 варианта, и после проведения обследований татарских и немецких земобществ он признал наиболее приемлемым такой способ исчисления, при котором земля делилась в соответствии с количеством едоков, работников и инвентарной обеспеченностью хозяйства [19].

Так или иначе, но существовавший в земельных обществах порядок распределения земли приводил к дифференциации крестьянства по признаку землеобеспеченности двора и к росту нелегальной аренды. Джанкойский райземотдел так объяснил сложившееся положение: «В большинстве селений района не произведено внутриселенное землеустройство и основная регистрация землепользования проделана лишь в 140 земельных обществах из 549. В ряде обществ имеются земельные излишки против нормы, и регистрация арендных договоров дала бы им законное право на сдачу этих излишков в аренду, что недопустимо. При существующем хаосе в землепользовании два одинаковых по числу едоков и рабочих сил двора имеют разное количество земли – один 10 дес., другой 120 дес. Регистрация аренды только узаконит это положение». Тем не менее, как указывал райземотдел, она осуществляется «по домашним сделкам».

Земельные органы запрещали аренду, сельсоветы ее не регистрировали, поэтому она уходила «в подполье». На местах пытались регулировать арендные отношения, что зачастую приводило к импровизациям такого рода: в одном из сельсоветов установили, что землю имеют право сдавать лишь вдовы и красноармейки. Если участок сдает в аренду кто-либо другой, и у него, и у арендатора эта земля отбирается в распоряжение земельного общества.

Субъектами арендных отношений зачастую выступали целые земобщества, которые либо арендовали землю друг у друга или у ГЗИ, либо сдавали излишки земли под выпас скота, огородничество и другие виды занятий как отдельным домохозяйствам, так и их группам и даже целым земобществам. Из-за общей неразберихи в земельных отношениях такие договоры аренды также не всегда регистрировались.

В целом земельная аренда в Крыму не получила достаточного распространения. Из обследованных в 1926 году 2509 хозяйств арендодателями выступали лишь 14%, а арендаторами – 19,4% дворов [20].

Важное место в землеустроительном процессе в Крыму занимала политика переселения и расселения безземельных крестьян из горных и предгорных районов, а также «трудящихся евреев» из-за пределов полуострова. По перспективному плану расселения, утвержденному Совнаркомом Крыма 23 февраля 1926 года, предусматривалось расселение 8534 хозяйств, в т.ч. 5478 – из горных районов. Расселенческий фонд составил 230718 га емкостью 7884 двора на землях ГЗИ, а также 39361га емкостью 1650 дворов на излишках в отводах земельных обществ. Кроме того, для переселения в Крым евреев КОМЗЕТу (Комитету землеустройства трудящихся евреев) до начала 30-х годов было предоставлено 344269 га, из них 235413 га пашни. В результате переселенческой политики число евреев-земледельцев в Крыму к этому периоду достигло 18000 человек [21].

В соответствии с циркуляром НКЗ Крыма преимущественное право на расселение получали селения, имевшие наименьший процент наделения при месте своей оседлости. На осуществление переселения давался трехгодичный срок, в течение которого расселяющиеся сохраняли за собой право пользования усадебными участками в местах выхода. Существовала проблема реализации недвижимого имущества расселенцев. Согласно статье 15 Правил о порядке наделения землей в Крыму, утвержденных ВЦИКом 15 декабря 1924 года, строения, насаждения и полезные искусственные сооружения расселенцев передавались земельным обществам, из которых они выходили. Опыт показал, что земобщества предлагали заниженную плату за указанное имущество. Наркомземом была разработана инструкция о порядке ликвидации имущества расселенцев, по которой расселенцу предоставлялось право выбирать себе преемника, могущего компенсировать затраты, вложенные в оставляемое в местах выхода имущество. Однако из-за отсутствия средств односельчане его покупать не спешили. Процесс расселения затягивался и проходил неорганизованно, тем более, что в местах водворения переселенцев и расселенцев ожидали большие проблемы. Во-первых, местное население не всегда относилось к ним доброжелательно. Во-вторых, переселенцам в отводах земобществ доставались излишки, а значит, земли худшего качества, отдаленные, неудобные, лежащие кривополосицей [22].

Расселяющиеся крестьяне выходили из положения как могли, иногда довольно ловко. В большинстве случаев они вели хозяйство в местах выхода, а полученную землю в местах водворения сдавали в субаренду, что запрещалось законом, т.к. расселенцы в первые два года сами являлись арендаторами. Выделявшиеся кредиты на переселение и расселение расходовались не по назначению, инвентарь использовался нерационально, имели место многочисленные случаи хищений [23].

Пытаясь упорядочить процесс расселения и переселения, а также направить развитие хозяйств переселенцев и расселенцев по пути коллективизации, органы власти на их базе создавали переселенческие товарищества, фактически имеющие статус земельных обществ. Политическая линия, диктуемая Крымским обкомом ВКП(б) была такова: «Дабы достичь наибольшего удобства и порядка в расселении, развития среди расселенческих групп общественности, взаимопомощи и коллективного творчества, производится организация переселенческих Товариществ, которые по водворению на новых местах будут преобразовываться в производственные, кооперативные объединения, в сельскохозяйственные артели, машинные товарищества и т.п.». На совещании с участием работников обкома и КОМЗЕТа 19 января 1929 года было постановлено: «Считать необходимым систематическое скорейшее оформление еврейских переселенческих поселков в земельные общества...» [24].

Следует отметить, что колхозы на базе переселенческих товариществ организовывались весьма туго, а вот традиционный общинный строй жизни устанавливался в 96% земельных обществ переселенцев и расселенцев [25].

По официальной версии именно для исправления указанных недостатков и упорядочения процесса землеустройства в Крыму в январе 1928 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О земельной реформе в

Крыму». Однако практическое осуществление реформы и принимавшиеся в ходе ее реализации документы указывают на то, что ее главной целью была подготовка политических и организационных (за отсутствием экономических) предпосылок процесса сплошной коллективизации в Крыму, а затем и в масштабах всей страны. Вот некоторые выдержки из докладной записки отдела землеустройства Крымского ОК ВКП(б) о земельной реформе в Крыму (ноябрь 1928 года): «...Переселение и расселение... предоставить переселенцам только в форме коллективного землепользования... По степной части Крыма определить все излишки земель по земобществам, свести их (между селами) к одному месту, пополнить земельные отводы малоземельных обществ, выровнять и исправить границы и конфигурации совхозов и колхозов. На образовавшихся крупных массивах, учитывая почвенные условия, организовать зерновые совхозы и колхозы... Производить землеустройство крупными гнездами и сохраняя за отдельными земобществами их хозяйственно-бытовую конструкцию, по мере возможности организовывать крупные комбинаты (союзы) земобществ по совместной обработке земли, сбыту и снабжению, уничтожая межселенное граничное распределение земли, создавая крупные поля севооборотов (с тракторной обработкой)...» [25].

Крестьяне встретили земельную реформу настороженно и даже враждебно. На собраниях земельных обществ в ее адрес звучала резкая критика, лейтмотивом которой было нежелание обрабатывать свои участки из-за боязни потерять их в процессе землеустройства [26].

Однако маховик коллективизации был запущен – наступал «переломный» 1929 год. Механизмом втягивания земельных обществ в этот процесс стала производственная контрактация, зачастую насильственная, в ходе которой контрактанты получали семена, средства производства и т.п., обязуясь при этом законтрактованный хлеб сдавать государству. Наркомзем РСФСР в циркуляре № 264 СР от 7 сентября 1929 года основной задачей контрактации определил «создание крупного коллективного хозяйства»: «В этих целях необходимо одновременно с заключением договора переводить контрактующие селения, земельные общества и группы хозяйств на устав коллективов или производственных товариществ, стремясь к возможному укрупнению их размеров и добиваясь планомерного перехода их к обобществлению производственных процессов и средств производства» [27]. Аналогичные предложения содержатся в постановлении Совнаркома Крыма от 20 ноября 1929 года «По докладу Наркомзема, Крымсельсоюза и Союза Союзов об итогах контрактации озимых урожая 1930 года». Ему вторит «Инструкция о проведении производственной контрактации садов, огородов и виноградников в 1930 году», разработанная Крымспецкультурколхозсоюзом «Иттифак»: «...Необходимо проводить на собраниях земельных обществ как неперемное условие контрактации, чтобы эти земельные общества перешли на устав колхозов или производственных товариществ» [28].

Коллективизация в ходе земельной реформы шла ускоренным темпом еще и благодаря многочисленным преимуществам, которые предоставлялись колхозам перед единоличными хозяйствами в деле снабжения семенными материалами, контрактации сортовых посевов, организации борьбы с вредителями сельского хозяйства, выдачи кредитов и т.д. Например, в озимую посевную кампанию 1928 года по Бахчисарайскому району лишь 3,5% земобществ получили по договору контрактации семена сортовой пшеницы, в то время как колхозы были законтрактованы ею на 46,8% [29].

Однако создания простых артелей в политике подчинения крестьянства государству было мало. В районах сплошной коллективизации, в т.ч. в Крыму, организовывались колхозы-гиганты, поглощавшие целые населенные пункты, а стало быть, и целые земельные общества. Например, Сарабузский колхоз объединял 44 населенных пункта и 12 сельсоветов Симферопольского района, Ичкинский колхоз – 40 населенных пунктов семи сельсоветов, в Саурчи колхоз поглотил 33 населенных пункта четырех сельсоветов и т.д. [30]. «Головокружительная» политика «раскрестьянивания» все больше дискредитировала себя в глазах сельского населения. Начались массовые выходы из колхозов. Вот данные по Бахчисарайскому району [31]:

Таблица 2.

Наименования земельных обществ	Количество дворов			
	Всего в земобщ-ве	Осталось в колхозе	Не состояло в колхозе	Вышло из колхоза
Карло	100	3	-	68
Отарчик	57	55	2	-
Фоти-Сала	370	120	100	150
Янджо	140	94	6	40
Коклуз	143	102	2	39
Маркур	155	95	1	59
Коккозы	416	130	-	286
Гавро	172	131	-	41
Махальдур	70	51	-	19
Багатыр	156	100	-	56
Бинок-Озенбаш	710	501	134	75
Татар-Осман	86	41	-	45
АдымЧокрак	83	13	40	30
Шуры	60	29	-	31
В. Керменчик	143	105	-	38

Это были последствия передышки, когда после выхода 2 марта 1930 года статьи Сталина «Головокружение от успехов» дальнейшая коллективизация была приторможена. Однако, как пишет Э.Х. Карр, «удары, нанесенные крестьянству в первые месяцы года, уже переломили хребет крестьянского сопротивления и невосполнимо разрушили старый крестьянский уклад. Кулак был изгнан или сломлен. В районах сплошной коллективизации специальный декрет от 30 июля 1930 г. официально упразднял крестьянский мир, или общину» [32].

Так в ходе коллективизации канули в Лету земельные общества, а вместе с ними и многовековой строй общинной жизни и традиционного крестьянского самоуправления.

Источники и литература

1. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК). - Ф. 1 - Оп. 1. - Д. 728. - Л. 157-158.
2. Там же. - Д. 574. - Л. 24.
3. Там же. - Ф. Р-2732. - Оп. 1. - Д. 11. - Л. 52.
4. Там же. - Ф. -460. - Оп. 1. - Д. 1329. - Л. 346; - Ф. Р-30. - Оп. 3. - Д. 6а. - Л. 10, 15, 17, 26.
5. Там же. - Ф. Р-663. - Оп. 1. - Д. 120. - Л. 46; - Д. 990. - Л. 500.
6. Там же. - Ф. Р-460. - Оп. 1. - Д. 1471. - Л. 64, 183; - Ф. Р-2732. - Оп. 1. - Д. 11. - Л. 7; - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 728. - Л. 159; - Ф. Р-663. - Оп. 1. - Д. 990. - Л. 485.
7. Там же. - Ф-460. - Оп. 1. - Д. 1471. - Л. 106, 3 об., 295.
8. Там же. - Ф. Р-30. - Оп. 3. - Д. 31. - Л. 249, 367, 446; - Ф. Р-460. - Оп. 1. - Д. 1329. - Л. 346; - Ф. Р-2732. - Оп. 1. - Д. 250. - Л. 30,31.
9. Там же. - Ф. Р-2732. - Оп. 1. - Д. 12. - Л. 6; - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 611. - Л. 268.
10. Там же. - Ф. Р-460. - Оп. 1. - Д. 1471. - Л. 253-260.
11. Там же. - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 564. - Л. 5.
12. Там же. - Ф. Р-663. - Оп. 1. - Д. 206. - Л. 39.
13. Там же. - Ф. Р-460. - Оп. 1. - Д. 1470. - Л. 4-6 об.
14. Там же. - Л. 2, 24 об.
15. Там же. - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 611. - Л. 266.
16. Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917-1929. - М.: «Интер-Версо», 1990. - С. 140.
17. Перспективный план мероприятий в области восстановления и развития сельского хозяйства Крыма. - Симферополь: НКЗ Крымской АССР, 1925. - С. 171-173.
18. ГААРК. - Ф. Р-30. - Оп. 1. - Д. 204. - Л. 71; - Ф. Р-460. - Оп. 1. - Д. 1471. - Л. 13, 263.
19. Там же. - Ф. Р-460. - Оп. 1. - Д. 1471. - Л. 13; - Ф. Р-30. - Оп. 1. - Д. 204. - Л. 71 об.
20. Там же. - Ф. Р-460. - Оп. 1. - Д. 1612. - Л. 83, 90, 91, 92, 154.
21. Там же. - Р-441. - Оп. 1. - Д. 16. - Л. 97, 98; - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 837. - Л. 152; Фрухт Л.М. Еврейское переселение в Крыму на 1932 год (справочник переселенца). - Симферополь: Крымгосиздат, 1932. - С. 7, 30.
22. ГААРК. - Ф. Р-2732. - Оп. 1. - Д. 11. - Л. 41; - Ф. Р-441. - Оп. 1. - Д. 16. - Л. 9; - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 926. - Л. 149.
23. Там же. - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 837. - Л. 103 об.; - Ф. Р-2732. - Оп. 1. - Д. 42. - Л. 14.
24. Там же. - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 644. - Л. 4; - Д. 922. - Л. 6.
25. Там же. - Ф. Р-460. - Оп. 1. - Д. 1471. - Л. 314.
26. Там же. - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 837. - Л. 177 об., 178 об.
27. Там же. - Ф. Р-30. - Оп. 1. - Д. 409. - Л. 136.
28. Там же. - Л. 161; Орлов В.И. Производственная контракция садов, огородов, виноградников. - Симферополь: Крымгосиздат, 1930. - С. 61.
29. ГААРК. - Ф. Р-30. - Оп. 1. - Д. 355. - Л. 262 об., 512.
30. Там же. - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 957. - Л. 10, 16, 17, 20, 22, 24, 26, 29, 30.
31. Там же. - Ф. Р-29. - Оп. 2. - Д. 129. - Л. 14.
32. Карр Э.Х. Указ. Соч. - С. 174.